

ТАЙНАЯ СИЛА

**ГЕЙНРИХ
ШНЕЕ**

РОТШИЛЬДЫ

**ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХ
МАГНАТОВ**

Тайная сила

Генрих Шнее

**Ротшильды – история крупнейших
финансовых магнатов**

«Алисторус»

УДК 929
ББК 63.3(0)-8

Шнее Г.

Ротшильды – история крупнейших финансовых магнатов /
Г. Шнее — «Алисторус», — (Тайная сила)

ISBN 978-5-906861-02-3

Ротшильды — самая могущественная и богатая финансовая династия мира. Автор этой книги Генрих Шнее детально изучил деятельность Ротшильдов, начиная с финансирования ими немецких княжеских домов и заканчивая их всемирной ролью в двадцатом веке. Он пришел к выводу, что Ротшильды помогали поддерживать и низвергать троны, они снимали министров и назначали новых, удобных им. При помощи денег они правили парламентами и газетами, устраняли конкурирующие банки. Среди крупнейших «бизнес-проектов» династии — финансирование войн против Наполеона, приобретение акций Суэцкого канала, монополизация добычи самых востребованных полезных ископаемых, кредитование выгодных Ротшильдам политических режимов в Европе накануне и после Второй Мировой войны. В связи с «делом Ротшильдов» перед читателем предстанут такие «акулы капитализма», как Круппы, Бенцы-Даймлеры, Сименсы и другие.

УДК 929
ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-906861-02-3

© Шнее Г.
© Алисторус

Содержание

Вступление	6
Деятельность Ротшильдов при дворе немецких князей	7
Майер Амшель Ротшильд – основатель династии	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генрих Шнее
Ротшильды – история крупнейших
финансовых магнатов

© Шнее Г. (Shnee H.), 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Вступление

Это было в 1764 году, когда двадцатилетний Майер Амшель Ротшильд из еврейской улочки во Франкфурте поступил на службу в княжеский дом Гессена. Но уже в 1769 году он был назначен придворным фактором (комиссионером). Почти до самой своей смерти в 1812 году он почти полвека верой и правдой служил князю Гессена, императору и другим князьям. Будучи простым торговцем и менялой, он положил начало династии с мировым именем.

Если в Германии семья Ротшильдов уже вымерла, то ее отдельные ветви продолжают процветать в Лондоне и Париже, владея огромными состояниями. Но ее взлет можно понять, только изучив историю всей ее деятельности

Деятельность Ротшильдов при дворе немецких князей

Берлинскому экономисту Вернеру Зомбарту принадлежит большая заслуга в том, что в своем произведении «Евреи и экономическая жизнь», появившемся в 1911 году, он сумел показать всему научному миру значение деятельности придворных факторов как государственного института абсолютистского княжества.

В своих работах, и особенно в своем главном произведении «Современный капитализм», Зомбарт попытался обозначить взаимосвязи между капитализмом, деятельностью евреев и современным государством. Придворным факторам, как тогда называли этих поставщиков и финансистов в научном мире и документах, он приписывал решающую роль в основании и развитии современного государства, которое покоится на их успехах.

Хотя в то время не было специальных исследований, Зомбарт решился на довольно смелые утверждения:

«Евреи XVI, XVII и XVIII веков были самыми влиятельными поставщиками войск и способными кредиторами князей, и считаю необходимым придавать этому обстоятельству первостепенное значение для всего процесса развития современного государства». И далее: «Достоверно известно, что в XVII и XVIII веках не было ни одного немецкого государства, которое не имело бы при себе одного или нескольких придворных евреев. От их поддержки существенным образом зависели финансовые возможности страны».

Подобные утверждения Зомбарта наталкивались на резкие возражения историков, упрекавших его по праву в том, что он не мог назвать ни одного оригинального источника, подтверждавшего эти тезисы. Феликс Рахфаль и Герман Ветъен называли и свои области исследования – Нидерланды и колонии, чтобы показать, насколько односторонними и неудачными были доказательства Зомбарта. Разногласия между ними имеют место и сегодня, о чем свидетельствует дискуссия о значении трудов Зомбарта в США. Несмотря на вышесказанное, наука все же не занималась изучением деятельности придворных евреев. Это не относилось к общим высказываниям придворных еврейских писателей об истории израильтян. Они не основывались на архивных источниках. Это были в основном переводы мемуаров и некрологов из еврейских общин. Лишь после Первой мировой войны ученики Якоба Стридера, Сельма Штерн и автор этих строк приступили к изучению деятельности придворных факторов на основе архивных документов.

Современное абсолютистское княжеское государство, образовавшееся на исходе средневековья и пережившее свой полный расцвет в XVI, XVII и XVIII столетиях, совпадает с эпохой раннего капитализма. Одновременно с государством развивается и экономика. Абсолютистское княжеское государство создает для себя удивительно рационально продуманную систему средств господства, к которым относится и институт придворных факторов, оказывающих своему господину помощь в создании, развитии и сохранении всех средств власти. Если в XVI веке на должности придворного фактора были христианские кредиторы, то в XVII и XVIII веках, от Тридцатилетней войны до эмансипации, придворными факторами стали евреи-финансисты, которые относились к штабу придворных. Их и называли «придворными факторами», или просто евреями. В XVII и XVIII веках «придворный фактор» и «придворный еврей», обозначало одно и то же. Следует заметить, что в обиходе слово «придворный еврей» не считалось унижительным. Известные евреи-финансисты, как, например, Оппенгеймер и Вертгеймер из Вены, даже с гордостью называли себя «евреями императорского двора».

Эти придворные факторы из евреев в эпоху княжеского абсолютизма были представителями финансовых магнатов. А сама эпоха была классическим периодом придворных факторов, тогда как Германия с большим количеством княжеских дворов была классической страной в Европе, где придворными кредиторами были евреи. Ни в каком другом государстве не было

такой многообразной сети института придворных факторов, как в Германии. Деятельность этих придворных финансистов всегда была направлена на процветание княжеского двора, придворной знати, государства и влиятельных государственных чиновников. Взаимосвязь между двором, государством и факторами покоилась на разветвленной сети личных отношений, но не представляет собой ни государственную, ни экономическую систему. Это были личные отношения к резиденции, которые выделили придворного финансиста из общей массы еврейских мелких торговцев и придали ему тем самым особое место не только при дворе, но и среди еврейской общины.

В средневековые евреи были придворными слугами. Это означало полную зависимость от своего господина. В архивных документах Швабии за 1275 год придворная служба считалась признанным правовым учреждением. С возникновением отдельных государств евреи постепенно из императорских слуг превращались в слуг князей, а в начале XIX века стали представителями иудейской веры. В периоды всех трех ступеней развития всегда были придворные финансисты. Но массовым явлением, институтом финансовое дело стало тогда, когда евреи были полностью подчинены власти князя. Они стали источником финансов, которыми князь пользовался по своему усмотрению. Из всей массы этих слуг выделялись придворные финансовые магнаты. Во все века князья, знать, духовенство и даже целые города были должниками у евреев. Но эти представители иудейской веры еще не были придворными факторами. Ими они стали лишь после того, как благодаря своим особым поручениям и привилегиям смогли выделиться из единомерцев.

Князья по различным мотивам относились к этим финансистам довольно благосклонно, особенно после Тридцатилетней войны. В то время как капитал, находящийся в руках христиан, быстро таял, многие евреи, как поставщики войск и монетки, разбогатели. Прежде всего они завладели торговлей драгоценным металлом, приобретали ювелирные изделия, украшения, которые закладывали им солдаты. Эти же солдаты отважно защищали гетто от грабежей во время Тридцатилетней войны, так что евреи в своем большинстве не очень сильно пострадали от войны. Евреи, как общность, представляли собой после войны значительный экономический корпус, который князья использовали в своей новой политике, надеясь получить от богатых евреев свою экономическую независимость. И если даже евреи в своей основной массе и страдали от бесправия и владели жалкое существование, то у князя и придворных всегда была возможность привлечь состоятельных евреев в резиденцию. Они получали ответственные должности с соответствующими званиями, рангами и содержанием и зачастую решительно влияли на политику князей. Новые резиденции времен барокко во многом обязаны прежде всего придворным финансистам.

Придворным финансистам вначале давали привилегии из политических соображений. Гогенцоллерны от Великого курфюрста до Фридриха Великого, Габсбурги и Виттельбахи XVIII и XIX веков особенно поддерживали промышленное предпринимательство своих придворных факторов, предоставляя им личные и деловые преимущества. Меркантильная экономическая и налоговая политика постоянно поддерживала придворных финансистов. В Пруссии это в равной степени было присуще всем – от Великого курфюрста до Фридриха Великого, а в Австрии – от Фердинанда I до императора Франца.

Многие придворные факторы, будучи основными поставщиками армии, составили себе значительное состояние. В XVII и XVIII веках, от Тридцатилетней войны вплоть до освободительных войн, без евреев-поставщиков не обходилась ни одна война. Валленштейн был бы немислим как организатор без постоянных поставок своего фактора, императорского придворного еврея Якоба Бассеви фон Тройенберга. Вся военная история Австрии времен абсолютизма стала возможной благодаря организаторским способностям представителей семей Оппенгеймеров, Вертгеймеров, Вецларов фон Планкенштерн, Арнштайнеров и Экселесов. В таких государствах, как Пруссия и Австрия, число подобных предпринимателей было доста-

точно велико, в то время как в одном из главных южных государств Германии, в Баварии, в начале их сознательно отстраняли и стали привлекать лишь во время войны с Испанией.

Все вопросы снабжения Баварии продовольствием в 1799 году находились в руках единственного поставщика, придворного фактора и банкира Арона Элиаса Зелигмана из Лаймена в Пфальце. Факторы в первую очередь заботились о поставках продуктов питания, так как они обеспечивали торговлю товарами за пределами государства; к поставкам оружия и обмундирования их почти не привлекали, за исключением Австрии.

Известным явлением абсолютистского княжеского государства стала привилегия придворного монетчика. Евреи пользовались исключительным правом на продажу серебра, поэтому монетными дворами владели евреи – поставщики серебра. Предприниматели-монетчики обещали высокие прибыли, которых они добивались за счет населения. Едва ли кто-нибудь из немецких князей мог устоять перед заманчивыми предложениями придворных монетчиков, чтобы лично не обогатиться или не погасить долги подобными приобретениями. Лишь в исключительных случаях, как это было при Фридрихе Великом, государство могло извлечь для себя какую-либо пользу.

Княжеские дворы периода барокко были центром представления роскоши. Примером служил Версаль, немецкие дворы стремились во всем подражать ему. Придворные ювелиры и банкиры должны были удовлетворять потребности князей в деньгах и роскоши. Поэтому не было ни одной резиденции без банкира и ювелира. Образцами того времени были Пруссия при первом короле, Австрия при Леопольде I, Саксония при Августе Сильном, Ганновер и Кельн, Вюртемберг при Эберхарде Людвиге и Карле Александре и Бавария. При Максе Эмануэле Мюнхен считался одним из самых блистательных княжеских дворов Европы. Когда в 1722 году должно было состояться бракосочетание принца Карла Альбрехта с дочерью императора Марией Амалией, из престижа нужно было блеснуть особой роскошью. Но государственная казна была пуста – на стране уже бременем лежал долг в 20 миллионов гульденов – нужно было делать новые долги. Всего, что могли предоставить христианские банкиры, Руффин из Мюнхена, Раунер из Аугсбурга, было слишком мало. Курфюрст, хотя он сам лично был против евреев, должен был прибегнуть к помощи придворных факторов. Главный придворный фактор из Зульцбахера Ной Самуэл Исаак при поддержке придворного фактора из Вены дал займы необходимые миллионы. Общая сумма составляла 3 млн. 313 тыс. 228 флоринов 35 крейцеров. Дорогостоящую свадьбу могли финансировать только придворные факторы.

И внешняя политика поддерживала придворных факторов. Вестфальский мир предоставил князьям право самим проводить свою внешнюю политику. Каждое государство стремилось приобрести новые земли, чтобы расширить свою страну, повысить ее ранг, добываясь при этом прежде всего определенных субсидий от крупных держав, за деньги нанимали войска. Но суровые, холодные интересы политики и государства постоянно требовали денег, и придворные финансисты должны были доставать их.

Таким образом, во всех важных внешнеполитических событиях придворные финансисты принимали участие, прямо или косвенно: в дипломатических миссиях, при повышении в должности, при приобретении корон для королев и головных уборов князей, в финансировании войн, продавая и покупая земли, передавая субсидии.

По вопросам процентов, комиссионных, пени за просрочку платежей, долговых обязательств, векселей, залогов и залогов придворные банкиры всегда были кредиторами князей, их родственников, знати и придворных, важных чиновников. 25 августа 1722 года, когда Макс Эмануэль Баварский заключил со своим придворным банкиром Исааком первый крупный договор на заем 950 тыс. флоринов, он заложил ему все доходы и прибыли. Вольф Вертгеймер, сын крупного финансиста Габсбургов, 25 августа 1722 года дал курфюрсту займы 1 млн. 200 тыс. флоринов, и ему были заложены все внутренние и внешние ренты и доходы. Самому крупному придворному финансисту Баварии Арону Элиасу Зелигману были заложены доходы

от налогов, когда в 1802 году он предоставил стране 3 млн. флоринов, а в 1808 году еще доходы от таможенной пошлины по новому займу на 4 млн. Самому крупному придворному финансисту Вены Самуэлю Оппенгейму были заложены все доходы Австрии. Между придворной знатью и придворными факторами в XIX и XX веках существовали тесные финансовые взаимоотношения. Вплоть до свержения монархии в 1918 году придворные финансисты оставались доверенными лицами и советниками по финансовым делам. Ротшильды являются представителями именно такого типа финансистов. Герсон Блайхредер в Берлине был не только государственным банкиром, придворным банкиром Гогенцоллернов, но и собственным банкиром дома ведущего министра. Нет сомнения в том, что эти придворные факторы приумножали состояние своих клиентов, получая за это приличное вознаграждение. Племянник Блайхредера, Пауль фон Швабах, оставался финансистом придворной знати Берлина до 1918 года, как и Ротшильды в Вене при последнем из Габсбургов на императорском троне.

Такой же плодотворной была и деятельность придворных факторов как поставщиков, особенно в период барокко. Придворный фактор обязан был снабжать ведомство гофмаршала, конюшни, кухню и подвалы. Он поставлял все, что необходимо от колыбели до могилы, от крещения до погребения. При дворе архиепископа в Бонне даже принадлежности для религиозных торжеств и церемоний должен был доставать придворный еврей.

Поставляя ювелирные изделия, многие придворные ювелиры стали миллионерами. Больше всего ювелирных изделий приобретали в свое время первый король Пруссии, Август Сильный из Саксонии, Макс Эмануэль Баварский, Эбергард Людвиг и Карл Александр из Вюртемберга, Клеменс Август из Кельна.

Монетчики вместе со своими единовверцами торговали драгоценным металлом и чекали разменную монету. Неразбериха с деньгами, царившая в начале Тридцатилетней войны и позже, в XVII и XVIII веках, создавала условия для деятельности фальшивомонетчиков и предоставляла частным предпринимателям широкое и доходное поле деятельности. Богатство многих придворных финансистов было нажито именно благодаря участию в прибылях от такого рода деятельности. В Пруссии главными поставщиками Фридриха Великого были семьи Эфраима, Итцига и Исаака. Все они стали миллионерами, и еще в XX веке остались потомки этих придворных монетчиков, состояние которых ведет свое начало с XVIII века. Княжеская политика «перезакладывания» денег в общем и целом такая же безрадостная глава нашей истории, как и торговля солдатами.

Будучи монетчиками, придворные финансисты могли проникать в государственный аппарат и выполнять определенные служебные обязанности. В качестве интендантов и тайных военных советников поставщики войск в мирное и военное время держали в своих руках аппарат снабжения, особенно во время наполеоновских походов и освободительных войн. Большинство из них начинали свою деятельность, имея лишь небольшой капитал, и за несколько лет им удавалось приобрести солидное состояние. На поставках для армии Оппенгейм из Вены сделал блестящую карьеру. У него на службе находились почти все придворные евреи Германии. Нет ни одной семьи придворных факторов, которая не была бы упомянута в его актах как семья сопоставщиков или помощников. Организаторские способности Оппенгейма достойны удивления. К подобному утверждению может прийти любой непредубежденный историк.

Вецлар фон Планкенштерн, будучи на императорской службе поставщиком армии, стал мультимиллионером. Самыми крупными военными поставщиками Баварии были Байт Каулла из Гехингена, Давид Ильман из Пферзе под Аугсбургом, Абрахам Мендле из Кригсгабера и члены семьи Зелигмана из Пфальца. Следует подчеркнуть, что все поставщики армии вышли из придворных факторов.

После освободительных войн военное управление решило взять в свои руки обеспечение продовольствием. Прежние предприниматели перевели свое состояние в банки или вложили его в земельные участки. Финансисты семьи Зелигмана в 1835 году стали совладельцами

Баварского ипотечного банка. У некоего барона Симона фон Айхталь, младшего сына Арона Элиаса Зелигмана, в 1814 году возведенного в дворянство, капитал акций составлял 3 млн. 347 тыс. флоринов, Майер Амшель Ротшильд и сыновья имели 1,5 миллиона, третий придворный финансист – Якоб фон Гирш – 1 миллион. Из всего капитала акций в 10 миллионов гульденов больше половины сосредоточились в руках этих трех придворных финансистов.

В XIX веке придворные финансисты принимали активное участие в основании крупных банков в резиденциях и больших городах Германии. Мадам Каулла, одна из известных немецких факторов (1739–1809), стала совладелицей Вюртембергского придворного банка в Штутгарте с капиталом в 150 тыс. гульденов.

Но в мануфактурном и ремесленном производстве придворные финансисты не смогли добиться особых успехов. Здесь у них дела не шли. Все снова и снова они возвращались к торговле. Лишь в XIX веке, когда были созданы благоприятные условия, они стали преуспевать и в этой области.

Придворные евреи часто состояли и на дипломатической службе как политические агенты, резиденты, консулы, советники посольств. Так, например, Беренд Леман, крупный финансист, помог Августу Сильному получить корону короля Польши; Лефман Беренс финансировал продвижение своего герцога при избрании его курфюрстом Ганновера, Йост Лимбан финансировал в Берлине коронацию первого короля Пруссии. Одна из важнейших задач княжеских придворных факторов состояла еще и в том, чтобы, используя свои связи в Вене, подготовить почву для желанного сословного повышения своих господ. Это стоило денег, и придворные факторы давали займы. Подарками (Douceurs) можно было даже заполучить голоса каноников на выборах епископа. Сотни тысяч талеров могли достать только княжеские придворные евреи. Епископы Мюнстер, Падерборн, Гильдесгейм из Кельна служат тому убедительным примером.

Субсидии, получаемые князьями в XVII, XVIII и в начале XIX веков, поступали исключительно от придворных финансистов. Несметное число миллионов талеров стекалось в казну немецких князей, а крупные суммы – просто в карманы правящих министров. И вряд ли какое-либо имя осталось незапятнанным. В министерстве иностранных дел в Париже можно было бы проверить все суммы и установить те лица, которые их получали. За подобные трансферты придворные финансисты получали не только соответствующие комиссионные, но и могли осуществлять все банковские операции от момента получения денег до их выплаты.

В 1703 году придворный фактор Пфальца Лемле Мозес получил в Вене субсидию на сумму 400 тыс. флоринов. Большие прибыли, полученные от трансфертов, во многом способствовали быстрому подъему дома Ротшильдов. Только с 1776 по 1814 год английские субсидии составили в Гессене 19 млн. 56 тыс. 778 талеров, в ходе Семилетней войны было получено 2 млн. 220 тыс. талеров, что составило всего 21 млн. 276 тыс. 778 талеров. В 1815 году Арнольд фон Айхталь вместе с отцом Ароном Элиасом произвел английских субсидий в баварскую государственную казну на сумму 608 тыс. 695 фунтов стерлингов, это были финансовые трансакции высокого класса. С середины XVIII века немецкие князья и государственные мужи получили от Франции субсидиями и подарками 137 млн. 226 тыс. 152 ливра, от Англии субсидий на 46 млн. 696 тыс. 576 фунтов. По расчетам Зомбарта, все суммы составили более миллиарда немецких марок.

Во все времена придворные факторы были лейб-медиками князей. Несмотря на все существующие ограничения, уже в средние века папы имели при себе наемных евреев в качестве лейб-медиков. Такие лейб-медики императора, как Паулус Вайднер из Билербурга и Пауль Рициус, барон из Шпринценштайна, были и первыми придворными факторами, возведенными в дворянство. Евреи были и придворными певцами, придворными художниками, придворными артистами. В «черном кабинете» удостоенный доверия еврей должен был подделывать

печати на открытых письмах. Прав писатель Александр Захер-Мазох, сказавший о еврее-факторе:

«Нет никого, кем бы он не мог быть».

* * *

Политически самым значимым придворным фактором при дворе герцога Карла Александра Вюртембергского был Йозеф Зюс Оппенгеймер. Его путь от простого торговца и частного банкира до всесильного тайного советника, директора монетного двора и сборщика налогов, до крупного предпринимателя и некоронованного властителя земли Вюртемберг даже для периода барокко был своеобразным и единственным в своем роде. Этого придворного фактора возвышает над всеми другими придворными финансистами, даже над Ротшильдами, его сознательно проводимая политика, направленная на то, чтобы средневековое сословное родовое государство Вюртемберг превратить в современное абсолютистское государство. Юд Зюс потерпел неудачу и поплатился жизнью, но не только потому, что стиль его жизни даже по тем временам был непостижим. С юридической точки зрения вюртембергские власти были вправе предъявлять определенные требования к деятельности тайного советника. Юд Зюс занимал должность резидента с окладом 300 флоринов, как тайный советник получал 2 тыс. 356 флоринов, значился в списках казначейства, он обладал незаурядными деловыми качествами. Но во всем остальном падение и конец этого придворного фактора едва ли отличается от судьбы, которая настигала любого фаворита князя в борьбе между абсолютизмом и сословиями. Юд Зюс был финансовым гением, удивительно работоспособным, умным, изысканным, но он не был личностью. И для выполнения той политической задачи, которую он поставил перед собой, у него не было достаточно мудрости, отличающей подлинного государственного деятеля. Он недооценил возможных последствий своей политики.

Вся система привилегий, характерная для зарождающейся бюрократии того времени, сплотила придворных факторов в единую касту внутри единоверцев. Придворные евреи стали основой иудаизма и считались аристократами среди израильтян.

Служебное положение евреев при дворе подчеркивалось самим количеством занимаемых должностей: гофмейстер и старший повар, лакей и доверенное лицо, фактор, придворный ювелир, агент, резидент и, наконец, тайный советник. Особенно почетным титулом считался титул старшего придворного агента и казначея. Титул тайного советника имели крупные финансисты Йозеф Зюс Оппенгеймер, Бенъямин Вайтель Эфраим и Крелингер в Пруссии, Израель Якобсон в Брауншвайге и Касселе.

При большинстве дворов, за исключением Вены, с титулом было связано определенное жалованье. И ставшие миллионерами придворные факторы, Ротшильды в том числе, этому окладу придавали большое значение, потому что именно он подчеркивал их предпочтительное положение. Жалованье, как правило, составляло несколько сотен талеров в год, 300–500 талеров или 500 флоринов, помимо этого полагалось еще какое-то количество продуктов. По тем меркам Юд Зюс получал довольно высокое жалованье – 2 тыс. флоринов, а также 356 флоринов на слуг и фураж. В Зульцбахе придворный фактор получал даже больше, чем министр. Обеспечивались и вдовы придворных факторов. Не следует забывать, что придворные факторы занимались еще и предпринимательской деятельностью, поощряемой различными привилегиями князя.

Назначение придворным фактором с соответствующим титулом и жалованьем, как и всех прочих чиновников, скреплялось особым документом, грамотой. Эти грамоты были подлинными произведениями искусства, написанные на пергаменте, отделанные красным бархатом и украшенные желтой лентой. Документ содержал обязательства придворного фактора верно служить интересам князя, приносить ему пользу и ограждать от неприятностей. Все документы

(патенты) имели одинаковый текст. Складывалось впечатление, что дворы, впервые составили такие грамоты, пересылали их в соседние резиденции, а может быть, сами претенденты прикладывали образцы к своим заявлениям.

Но были и некоторые особые привилегии придворных факторов, которые вызывали недовольство единоверцев, такие, например, как освобождение от общих еврейских налогов, освобождение от суда раввина и подчинение княжескому суду наравне с другими чиновниками двора, право содержать собственную синагогу с раввином и школьными учителями, право брать себе в дом единоверцев для ведения хозяйства. Они могли не носить желтую звезду и уже давно получили право жить не в еврейских кварталах, а в пригороде, где могли приобрести для себя дома.

Крупные влиятельные финансисты, такие как семьи Гирша из Геройта и Зелигмана-Айхталь в Баварии, Израэля Якобсона на севере Германии, и многие другие придворные факторы Габсбургов издавна стали вкладывать свое состояние в большие земельные участки. В 1818 году Якоб Гирш, например, владел имением общей стоимостью в 580 тыс. флоринов. Стоимость монастырских и рыцарских земель, приобретенных Якобсоном в Вестфалии и Мекленбурге, превышала многие миллионы. После его смерти не могли точно установить эту стоимость.

Эта искусственно созданная ступенчатая система привилегий, полностью соответствующая духу барокко, привела к тому, что придворные факторы уже ничем не отличались от чиновников. На процессах казначея Вольфа Брайденбаха против княжеского дома Изенбург – Бириштайна Верховный суд Дармштадта признал за придворным фактором все права и присудил Изенбургу уплатить все задержанное жалованье. Но такими правами пользовались только те придворные факторы, которые имели определенные титулы и находились на службе у князя, получая за это положенное жалованье. В Пфальце они зачислялись в штаб главного гофмейстера последней группой, точно в соответствии с их рангом: от главного придворного фактора до гвардии-квартирмейстера.

Крупные придворные финансисты были основными борцами за права евреев. До начала XIX века без придворных евреев не было никакой эмансипации. Отдельные придворные факторы, такие как Даниэль Итциг в Берлине, Израэль Якобсон в Брауншвайге и Давид Зелигман в Карлсруэ, еще до официальной эмансипации получили патенты на владение землей для всей семьи. Придворным факторам Давиду Фридлендеру, Самуэлу Рубену Комперцу из Берлина, тайному советнику Израэлю Якобсону из Брауншвайга и Касселя, советнику Вольфу Брайденбаху из Изенбурга, семьям Барух и Ротшильд из Франкфурта-на-Майне и Гиршу из Геройта в Баварии, Арнштейнерам и Эскелесам из Вены – всем им в первую очередь должны быть благодарны евреи за предоставление гражданских прав. Активное участие принимали в этом и придворные чиновники.

Архивные документы XVII и XVIII веков свидетельствуют о том, как добросовестно, с какой тщательностью чиновники абсолютистского государства занимались проблемами евреев вообще и придворных факторов в частности. Придворные чиновники никогда не относились к евреям враждебно и всегда старались удовлетворить их законные требования.

Еврейские авторы, описывая историю евреев, не совсем благосклонно отзывались об институте придворных факторов. Это в первую очередь связано с тем, что почти все эти семьи отказывались от иудейской веры и принимали христианства. Подобные переходы начались уже в XVI веке и, как правило, были связаны с получением дворянского титула. Большая часть придворных факторов возвысилась до старой или новой аристократии или приблизилась к тем кругам, которые в XIX и XX веках стали представлять имущие классы и образование. Участие евреев в управлении государством в XIX и XX веках было довольно значительным.

Число семей придворных факторов и их потомков, возведенных в дворянство, составляло уже несколько тысяч. Они полностью ассимилировались. Габсбурги были поистине вели-

кодушны, возводя в дворянство своих придворных евреев. Гогенцоллерны, напротив, проявляли определенную сдержанность.

В Австрии возведение в дворянство началось уже в XVI веке, и до эмансипации около 15 семей придворных факторов еврейского происхождения были причислены к дворянскому сословию. В Пруссии лишь в 1810 году придворный финансист Леви стал бароном фон Дельмаром, после того как принял христианство. Большинство потомков тех разбогатевших финансистов отошли от коммерческой деятельности и банковского дела. Их сыновья служили в конной гвардии, приобретали рыцарские земли и основывали майораты. Некоторые дослужились до генералов и вошли в военную историю.

Многие евреи принимали христианство как необходимый социальный фактор и, как правило, выбирая при этом вероисповедание правящей династии. Но было достаточно и других примеров, которые показывают, что такой переход совершался и по внутреннему убеждению, как это произошло с двумя дочерьми придворного еврея Мозеса Мендельсона:

Доротеей Шлегель и Генриеттой. Последняя высказала в своем завещании пожелание, чтобы ее братья и сестры тоже приняли католическую веру. Хотя ее желание и не было исполнено, все же все потомки Мозеса Мендельсона, так пламенно защищавшего евреев, были христианами.

Переход большого числа придворных финансистов и их потомков в христианство явился основной причиной постепенного упразднения института придворных факторов. В период капитализма крупные банки стали решать задачи, выполняемые прежде придворными факторами. В середине XIX века капиталов семей придворных факторов уже было недостаточно, чтобы финансировать крупные промышленные предприятия.

К 1850 году своего наивысшего расцвета достиг дом Ротшильдов. Ротшильды относятся к немногим династиям придворных факторов, сохранивших веру своих отцов. Банк Оппенгейм в Кельне является сегодня единственным финансовым учреждением прежних придворных факторов. А банки Мендельсона и Блайхредера в Берлине так и не были открыты после 1945 года.

Оказывают ли эти придворные факторы решающее влияние на становление и развитие современного государства, как утверждает Зомбарт? При этом Зомбарт не рассматривает вопросы непосредственного участия самих людей в истории развития государства. Его больше интересует процесс образования государства последнего столетия. Результаты исследований показали, что в эпоху раннего капитализма придворные факторы не принимали никакого участия в основании современного государства, потому что в то время у них не было необходимых для этого капиталов. Приоритетом в этом процессе обладали христианские кредиторы.

Длинный ряд крупных придворных финансистов открывает дом Фуггера. Его активное участие в большой политике на стороне Габсбургов имело большое историческое значение.

В XVII, XVIII и в начале XIX веков большую роль начинают играть еврей-финансисты. Они появляются почти при всех княжеских дворах, принимая участие во многих исторических событиях. Достаточно вспомнить о финансировании Семилетней войны крупными частными предпринимателями. Это было одним из блестящих финансовых достижений Фридриха Великого. По подсчетам Козерса, частные капиталовложения составили 29 млн. талеров, 20 % на военные расходы и 17 % на военные сборы.

Значительными были и денежные вклады придворных факторов в архитектуру барокко. Без займов придворных финансистов многие архитектурные замыслы в резиденциях князей так и не были бы осуществлены. Даже такие повелители, как Карл VI и его дочь Мария Терезия, всегда ненавидевшие евреев, не смогли бы закончить строительство церкви Карла и замка Шенбрунн без денег своих придворных евреев. Без денег факторов немислим был бы и аристократический образ жизни периода барокко с его великолепными праздниками.

У всех магнатов того времени были свои придворные евреи, снабжавшие кладовые и подвалы, наполнявшие пустую казну. У Меттерниха и Бисмарка тоже были свои факторы. В начале своей политической карьеры Бисмарк был ярким противником евреев, но впоследствии не мог нахвалиться своим домашним евреем, ведавшим его поместьями в Померании, и финансистом Герсоном Блайхредером, который был первым некрещеным евреем, получившим дворянский титул в Пруссии.

Иногда капиталовложения крупных финансистов были довольно солидными. Но когда речь шла о государственном развитии, то деньги придворных факторов оказывались лишь временной поддержкой, субсидией. Их было слишком мало для существования государства. Существенными для немецких государств стали возможности отдельных могущественных правителей, их чиновников и постоянные, а главное регулярные поступления от подданных в форме налогов. В первую очередь это относилось к Пруссии, Саксонии, Ганноверу, Баварии, Вюртембергу.

Но были и исключения. Так, семья Зелигман-Айхталь пользовалась в начале XIX века в Баварии большим авторитетом. С 1801 по 1808 год эта семья и несколько других кредиторов-евреев ссудили Баварии 81 % необходимых денежных средств. Это было подлинное предоставление кредита, так как облигации остались в собственности семьи без каких-либо посредников. В 1914 году Зелигман стал бароном фон Айхталем, и это полностью соответствовало практике княжеских дворов того времени. В качестве благодарности банк Айхталь должен был в 1815 году перечислить в государственную казну Баварии 70 млн. франков французской контрибуции.

В Австрии «придворным льготникам», как называли финансистов, считая их привилегированной кастой, придавали большое значение. С 1698 по 1739 год от крупных финансистов Оппенгеймера, Вертгеймера и их круга поступило более 78 млн. флоринов, не говоря уже о том, что были еще поставки продовольствия и ссуды в общей сложности на 3–4 млн. – в среднем по 2 млн. флоринов в год. Если чистый доход от податей за 1708–1727 годы составлял 5–7 миллионов в год, то на заем финансистов приходилась 1/3 доходов. И все это во времена образования великой державы Австрии.

При изучении истории придворных факторов в эпоху раннего капитализма можно наметить их определенную линию с такими именами: Фуггер, Оппенгеймер и Вертгеймер в Вене, Либман, Комперц, Эфраим, Итциг, Исаак в Пруссии, Беренс в Ганновере, Леман в Гальберштадте, Барух и Оппенгейм в Бонне, Зелигман в Мюнхене, Каулла в Штутгарте и Ротшильд в Франкфурте и Вене. В самом начале эту линию начинает дом крупнейшего финансиста Фуггера, впоследствии финансовым магнатом становится Ротшильд. Фуггер, как первый придворный финансист, помог Габсбургам войти в историю. Дом Ротшильдов свое финансовое могущество положил на чашу весов союзников в борьбе против Наполеона.

История финансового дела протянулась в Германии от Фуггера к Ротшильду. И эта линия прервалась. Родовой дом во Франкфурте-на-Майне вымер; несколько лет назад в Вене был разрушен дворец Ротшильда, а на его месте соорудили современное административное здание. Последнего венского барона Луиса Ротшильда, который еще служил последнему Габсбургу, императору Карлу, доставили в Вену, к месту погребения. Его привезли с Ямайки, где он доживал в эмиграции.

Падение монархии, которой придворные финансисты были многим обязаны и князьям которой они верно служили, подорвало их общественное положение. Еще совсем недавно они умело сохраняли свое положение, хотя собственную миссию институт придворных факторов выполнил уже к началу XIX века. Как специфическое явление истории Центральной Европы, институт придворных факторов сыграл важную экономическую, общественную и культурную роль в период между Новым временем и временем высокоразвитого капитализма.

Майер Амшель Ротшильд – основатель династии

Свободный город Франкфурт-на-Майне с периода раннего средневековья привлекал к себе евреев своим расположением в центре оживленной торговли. В течение последнего тысячелетия здесь успешно велись торговля и финансовые операции. Перед Французской революцией во Франкфурте насчитывалось 35 тыс. жителей, одну десятую из них составляли евреи. С 1462 года им был выделен специальный еврейский квартал.

Много веков назад в одном из таких тесных гетто, всего 12 метров в ширину, между городской стеной и рвом, «зажатые как в клетке», жили и предки дома Ротшильдов. Это была семья Ханов, образовавших впоследствии одну из ветвей династии. Во Франкфурт они переселились в XVI веке. Их франкфуртское имя происходит от «дома с красной вывеской», в котором жила семья. Но следует заметить, что фамилия Ротшильд часто встречается в еврейских общинах. В 1585 году у Исаака Эльханана впервые появилось прозвище «у красной вывески», в то время как на могиле его отца написано только Эльханан. Спустя почти сто лет семья переселилась в другой дом «Hinterpfann», но имя Ротшильд осталось. Средства к существованию семье Ротшильдов, как и другим израильтянам, давала торговля, так как до XVIII века еще не было других финансовых банковских операций. Состояние у них было незначительное, образ жизни – скромный. С 1567 по 1580 год Исаак Эльханан уплатил налог с состояния в 2 тыс. 700 гульденов, а его правнук Кальман, скончавшийся в 1707 году, в 1690 году имел состояние уже в 6 тыс. флоринов. Сын Кальмана в 1733–1735 годах имел на руках вексель известного вюртембергского придворного фактора на 38 тыс. флоринов, что дает возможность предположить о наличии крупных денежных операций. Но Амшель Мозес, отец нашего Майера Амшеля, имел состояние всего в 1 тыс. 375 флоринов. Все это – очень незначительные суммы, если сравнить их с доходами и состоянием крупных придворных факторов Берлина и Вены, где почти все придворные финансисты были миллионерами.

Майер Амшель Ротшильд, как и большинство придворных факторов, происходил из низших слоев израильтян, и вначале он мало чем выделялся среди своих единомыслителей. В постоянном стремлении к заветной цели он сумел заложить основы последующего величия своего дома, хотя его торговая деятельность значительно переоценивается. Отблески славы его сыновей упали и на родоначальника династии. Отец прочил Майера в раввины. Но после нескольких лет учебы в Фюрте молодой Ротшильд быстро осознал, что его интересует совершенно другое дело, его привлекала практическая деятельность торговца и менялы. Он поступил в ганноверский банк Оппенгеймера и учился у той семьи, которая в век абсолютизма привлекла на свою сторону большое число придворных финансистов. Особенно понравилось Ротшильду сама практическая деятельность придворного фактора. Его карьера началась у князя. Возвышению во многом способствовало то обстоятельство, что дом гессенского курфюрста считался одним из самых богатых в то время.

В 1755 году, когда Майеру Амшелю было всего двадцать лет, он потерял отца и мать и был вынужден самостоятельно становиться на ноги. Вернувшись из Ганновера, он открыл свое дело, связанное с торговлей антиквариатом и медалями, как и его отец. Его быстрое продвижение по пути к известному банкиру основано на трех существенных моментах:

1. Ротшильда связывали тесные и доверительные отношения с наследным принцем Вильгельмом, ставшим Вильгельмом IX ландграфом и гессенским курфюрстом Вильгельмом I. Его состояние оценивалось в 20–60 млн. талеров, что равнялось прежним 60 – 180 млн. марок. Это состояние и заложило основу развития дома Ротшильдов.

2. Семья Ротшильдов была связана с министром финансов сувереном Карлом Фридрихом Будерусом. Он родился в 1759 году в семье учителя в Бюдингене, был управляющим имуществом курфюрста, гессенским президентом налоговой палаты в Гану, тайным советником,

возведенным в дворянство под именем Будеруса фон Карлсгаузена. Это был очень способный финансист, он сразу распознал природную одаренность Ротшильда и способствовал его продвижению при дворе. Его не менее влиятельный брат был основателем металлургического завода в Ветцларе.

3. Ротшильд обладал исключительными деловыми качествами. В упорной борьбе он сумел исключить любую конкуренцию и добиться монопольного положения у суверена.

В истории института немецких придворных факторов нет другого такого примера, когда один единственный финансист мог бы иметь такое неограниченное влияние на князя. Для сравнения можно было бы назвать Юда Зюса в Вюртемберге. Но его деятельность продолжалась всего лишь несколько лет, тогда как Ротшильды находились на службе при княжеском дворе более сотни лет.

Свою карьеру Майер Амшель Ротшильд начал поставщиком денег и драгоценных металлов и стал придворным фактором, а затем главным придворным агентом. Его сыновья Амшель Майер и Соломон были назначены военными казначеями. Поставщиком денег и драгоценных металлов Майер Амшель был с 1764 года. 21 сентября 1769 года он стал придворным фактором княжеского дома Гессен-Ганау, 24 сентября 1803 года его назначили главным придворным агентом в Касселе, а в 1802 году его сыновья стали казначеями. Служба Ротшильдов при дворе началась в 1764 году, и таким образом, деятельность финансовой династии перевалила за двухсотлетие.

В 1764 году наследный принц Вильгельм принял самостоятельное правление графством Ганау, предоставленное ему по страховому акту 1754 года дедом Вильгельмом VIII, который хотел отстранить его от католически настроенного отца Фридриха. Наследный принц Вильгельм был большим любителем, коллекционером и знатоком монет и медалей. И именно торговля монетами сблизила тогда двадцатилетнего Ротшильда с его будущим княжеским покровителем. Десятилетия понадобились Ротшильду, пока он добился полного расположения и милости ландграфа, так как он по своей натуре был очень подозрительным человеком, опасаясь какого-либо обмана в финансовых делах.

Ротшильду очень помогло то обстоятельство, что у князя не было никаких предубеждений против евреев. Это видно из того, что при дворе в Касселе было значительное число евреев. К тому же князь был деловым человеком, он и сам мог стать банкиром. Решающее значение для банкирского дома во Франкфурте имело и то, что Ротшильд, наконец, сумел завоевать полное доверие князя, поручившего ему вести все денежные дела. Существование любого банка полностью зависит от того, как ему удастся привлечь к себе солидных клиентов и удержать их. Ротшильд оказывал своему высокопоставленному клиенту различные услуги: ведение всех дел в свободном городе Франкфурте, привлечение надежных и политически нейтральных банковских связей на ведущем финансовом рынке Лондона.

Наследный принц Вильгельм свою коллекцию монет начал собирать в 1763 году, за год до своего торжественного вступления в Ганау. В июне 1765 года Ротшильд доставил ему первые монеты, за что получил вознаграждение в 38 гульденов 80 крейцеров. Таким скромным было начало величайшего придворного банкира всех времен. В одной из торговых книг за 1778 год он упоминается как торговец «антикварными медалями и монетами». Нет никакого сомнения в том, что в молодые годы Ротшильд был искусным, находчивым торговцем монет, он сумел приноровиться к вкусу князя и по-деловому использовать его пристрастия. Уже спустя несколько лет он даже отважился ходатайствовать о получении какого-либо придворного звания, так как любой титул придавал еврею-торговцу уважение в придворном обществе, что возвышало его над его единоверцами.

«Я имел особую милость делать Вашей Княжеской Светлости различные поставки, которые доставляли Вашей Светлости большое удовольствие. Я приложу все свои силы и возможности, чтобы и дальше всегда быть готовым оказывать Вашей Княжеской Светлости различные

услуги. Особенно сильным поощрением было бы для меня, если Ваша Княжеская Светлость благоволили бы пожаловать мне чин придворного фактора Вашей Светлости.

Вашу Княжескую Светлость прошу с большей уверенностью еще и потому, что я никоим образом не хочу утруждать Вас. Благодаря чину и имея в виду мое торговое дело, а также и другие обстоятельства, я смог бы составить здесь, в городе Франкфурте, свое счастье».

Чин придворного фактора был наградой за поставки монет и медалей, продолжившиеся до 1806 года. После смерти старшего Майера Амшеля дом Ротшильдов продавал медали курфюрсту еще дважды, в 1813 и 1814 годах.

После назначения придворным фактором Ротшильд еще активнее принялся за финансовые дела. Наряду с этим торговлю товарами продолжали вести пять его сыновей. Как ландграф Фридрих II, отец, так и наследный принц с 1776 года выдавали из Лондона векселя для найма солдат для Англии. При реализации такого векселя Ротшильд еще должен был работать в Ганау. В последующем своем заявлении ландграфу он сообщает о то, что «в Ганау он по английским письмам получил более высокую цену с выгодой для господской казны». С 1798 года Ротшильд был наиболее предпочитаемым поставщиком княжеской казны.

Но решающее значение для его продвижения имело завоевание монопольного положения. В этом ему помог военный советник Будерус, назначенный в 1802 году директором главного военного казначейства. С этого времени дом Ротшильдов стал быстро опережать всех конкурентов при дворе Касселя. Прежде всего были исключены Мозес Йозеф Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам, Зюсман Абрахам.

В 1802 году Ротшильд открыл в Касселе филиал, чтобы постоянно оставаться в тесной связи с двором и дворцовыми чиновниками. По резолюции от 16 сентября 1802 года, т. е. довольно поздно, он был освобожден от уплаты налогов, которыми облагались все еврейские торговцы. Вызывает удивление тот факт, что придворный еврей Ротшильд должен был ждать долгое время, чтобы добиться льгот, обычно тотчас же предоставляемых придворным финансистам.

С 1801 по 1806 год Ротшильд выпустил пять займов на сумму почти 5 млн. гульденов.

Окрепили его близкие отношения со двором Гессена, причем он поистине великодушно пользовался методом, применяемым всеми придворными факторами той эпохи. Чтобы добиться расположения влиятельных придворных и чиновников государственного управления, они часто прибегали к подаркам и взяткам. Ротшильд заинтересовал гессенских чиновников привлечением их к сотрудничеству в финансовых делах. Когда Будерус был главным сборщиком податей при земельной казне Ганау, Ротшильд стал его представителем во Франкфурте. После того как его покровитель стал авторитетным советником ландграфа, Ротшильд постоянно получал выгодные заказы в Касселе.

Добрые отношения с двором в Касселе связывали многих придворных евреев. Это христианские фирмы Рюппеля и Гарнира, братьев Бетманов, Прейе и Йордис, Гебгард и Гаук во Франкфурте. В Касселе была кредитная контора Витгенштейна, в Амстердаме фирма Ван Нотен и Голль и Ко. Но у них не было постоянных связей с Будерусом. Особенно это касалось влиятельного дома Рюппеля и Гарнира, сумевшего сохранить свое господствующее положение при кассельском дворе лишь до 1803 года, именно до того времени, когда Будерус стал директором военного казначейства. Чиновники и без этого зарабатывали при каждой сделке, так как при всех договорах им полагался один процент от выданной суммы в качестве побочного дохода.

В 1805–1806 годах Ротшильд уже значительно опередил своих конкурентов. Когда князь, спасаясь от Наполеона, вынужден был бежать и долгие годы жил в эмиграции, главный придворный агент Ротшильд сумел добиться монопольного положения в финансировании ландграфа, конечно, не без поддержки своего покровителя, ставшего к этому времени уже тайным военным советником под именем Будеруса фон Карлсгаузена. Ему удалось превзойти военного

советника Лениера, друга Руппеля и Гарнира, и стать единоличным управляющим делами. Поставив Руппеля и Гарнира в невыгодное положение, он старался повсюду подчеркнуть бескорыстие дома Ротшильдов.

Ротшильд был вместе с Вильгельмом в его эмиграции. В эти годы он верой и правдой служил своему князю и особенно отличился, спасая часть гессенского состояния. Конечно, такие отношения между князем и придворным фактором благотворно влияли и на финансовые дела последнего, так как и в эмиграции Вильгельм IX оставался самым крупным капиталистом среди немецких князей. В 1808 году Ротшильд уже настолько продвинулся, что все излишние и случайные деньги курфюрста регулярно направлялись в банк дома Ротшильда.

Сотрудничество между Ротшильдами и Будерусом вылилось в конце концов в текст документа от 17 февраля 1809 года, который гласил:

«Между тайным военным советником Будерусом фон Карлсгаузен и Торговым домом Майер Амшель Ротшильд во Франкфурте сегодня заключено следующее соглашение.

I. Будерус передал банку Майер Амшель Ротшильд капитал в 20 тыс. гульденов 24 флорина-фута и обещал из самых лучших побуждений содействовать Торговому дому во всех торговых делах и по возможности быть ему полезным.

II. В свою очередь, Торговый дом Майер Амшель Ротшильд обещает добросовестно отчислять Будерусу прибыль от торговых операций, причитающуюся на вложенный капитал в 20 тыс. гульденов, и разрешает ему в любое время проверку всех книг для большей убедительности в правильности расчетов».

* * *

Таким образом Будерус стал незримым участником дома Ротшильда, поэтому он был лично заинтересован в том, чтобы Майер Амшель Ротшильд получил монополию на ведение финансовых дел курфюрста.

Этот договор, единственный в своем роде в истории немецкого института придворных факторов, соответствовал интересам всех его участников. Капитал земельного князя продолжал увеличиваться, незаметный придворный служащий стал богатым человеком, а франкфуртский банкир и коммерсант заложил основу процветания своей фирмы. Было бы не правильно оценивать этот договор с точки зрения современной морали. По представлениям того времени, ничего не было оскорбительного в обычае преподносить подарки и принимать их, и, как можно заключить из сохранившихся мемуаров, так было принято и в XIX веке.

Между тем выросли сыновья Ротшильда и уже могли помогать отцу во всех его делах. 29 августа 1770 года Майер Амшель женился на дочери коммерсанта Вольфа Соломона Шнапера, проживающего недалеко от дома Ротшильда. Род тестя принадлежал к старым еврейским семьям Франкфурта. Приданое невесты составило 2 тыс. 400 флоринов. Гу тле Шнапер была простой, скромной и очень хозяйственной женщиной. В счастливом браке она подарила своему супругу десять детей: пять сыновей и пять дочерей. Ведение домашнего хозяйства и воспитание детей занимало очень много времени. За всю свою жизнь она так и не покинула еврейского квартала и до самой смерти оставалась жить в том же доме, где их семье суждено было добиться наивысшего процветания.

Старший сын, Амшель Майер, родился 12 июня 1773 года, 16 ноября 1793 года он женился на Еве Ганау. В документах имена отца и сына – Майер Амшель и Амшель Майер – часто путали. Лишь при ближайшем и более подробном изучении удавалось установить, кто из них имеется в виду. Часто встречается и различное написание Майер и Мейер. Амшель умер 6 декабря 1855 года.

Соломон Майер, второй сын, родился 9 сентября 1774 года. 26 ноября 1800 года он женился на Каролине Штерн, а умер в один год со своим старшим братом, 27 июля 1855 года.

Натан Майер, третий сын, оказавшийся самым талантливым из «Пяти Франкфуртцев», появился на свет 16 сентября 1777 года. Он был женат на Ганне Коэн из семьи южных евреев. Но уже 28 июля 1836 года он умер.

Четвертый сын, Карл Майер, родился 24 апреля 1788 года, 16 сентября 1818 года женился на Адельхайд Герц. Он умер 10 марта 1855 года. Из пяти франкфуртцев трое братьев умерли в один и тот же год.

Якоб, или Джеймс, самый младший, родился 15 мая 1792 года, 11 июля 1824 года он женился на своей племяннице Бетти Ротшильд. Смерть настигла его 15 ноября 1868 года.

Примечательным для сыновей и дочерей Ротшильдов является их стремление сочетаться браком с известными семьями, принадлежащими к верхнему израильянскому слою, имена которых были у всех на слуху. И эта политика, характерная для придворных факторов, способствовала продвижению дома Ротшильда. Дочери вышли замуж в семьи Вормса, Зихеля, Байфуса, Монтефиоре.

Когда Майер Амшель стал стареть и болеть, его часто в деловых поездках заменяли сыновья. Тайны всех деловых сделок оставались в кругу семьи. Уже в молодые годы оба старших сына были агентами военного казначейства Гессена. Но особым отличием для отца и сыновей считалось назначение императорским фактором при дворе Франца II за заслуги, которые они, как поставщики армии, имели во время наполеоновских войн.

Придворные факторы всегда стремились иметь дело с поставками для армии. При определенном риске это всегда было выгодным предприятием, и большинство семей евреев верхнего слоя в Германии заложили основу своего состояния именно благодаря поставкам для войск. Наполеоновские войны, продолжавшиеся почти четверть века, предоставили Ротшильдам возможность проводить различные финансовые операции на высоком уровне и с большой выгодой для себя.

Титула императорского придворного фактора для себя и своих сыновей Ротшильд настойчиво добивался в Вене. 28 августа 1799 года Майер Амшель, так он подписывался тогда, а позже – Мейер, из Франкфурта направил в Вену свою просьбу, указывая в ней на значительные поставки, которые он осуществлял во время войны против Франции, и другие свои заслуги. В ответ на нее Майер Амшель Ротшильд и его сыновья Амшель Майер и Соломон Майер получили патент императорских придворных факторов от 7 марта, 8 марта и 4 мая. Каждому был выдан отдельный патент, что вызывает удивление.

Следуя общей практике, отец и сыновья должны были этот титул получить в одном документе.

Далее следует упомянуть также, что о назначении Ротшильдов императорскими придворными факторами нужно было письменно известить Майнц, Пфальц, Саксонию, архиепископов Вюрцбурга и Бамберга, Дармштадта, архиепископа Зальцбурга, города Равенсбург, Швебиш Гмюнд и Вюрцбург. В прежние годы Габсбург часто присваивал евреям-финансистам звание придворного фактора, но нигде не было отмечено, что об этом назначении так широко оповещали бы, как в случае с Ротшильдом и его сыновьями.

Когда милостью Наполеона было образовано Великое герцогство Франкфурт, Ротшильды служили новому князю Дальбергу финансистами. За финансовую поддержку контингента войск Франкфурта, сражавшегося на стороне Франции в Испании в 1810 году, Мейер Амшель был назначен советником департамента.

Амшель Майер Ротшильд был также действительным придворным фактором князя Карла Фридриха Людвига Морица фон Изенбург-Бюдинген с 15 июля 1803 года, а 29 декабря этого же года он стал придворным фактором магистра ордена иоаннитов, 4 января 1804 года назначен к князю Турн и Таксис.

Насколько сильно стремились Ротшильды стать придворными евреями, свидетельствует их положение в доме князя Изенбург-Бирштейн, где главным финансистом был советник каз-

начейства Вольф Брайденбах. Ротшильд работал вместе с ним. Его сын Амшель 29 августа 1803 года стал придворным фактором в Изенбург-Бирштейне. В качестве вознаграждения он должен был довольствоваться бесплатной доставкой дров на его квартиру во Франкфурте. 7 ноября 1803 года князь распорядился вновь назначенному придворному фактору доставлять дрова в течение всего года. Ротшильд предоставил обремененному долгами дому Бирштейна ссуду в 50 тыс. гульденов. Для маленькой страны это была очень большая сумма. В этом деле Брайденбах был посредником. Он и выплатил причитающиеся проценты своему франкфуртскому коллеге. И в последующие годы Ротшильд и сыновья работали при дворе Изенбург-Бирштейн.

В 1815 году, будучи посредниками у лорда Веллингтона и лорда Кастлафа, Ротшильды добивались в Париже и Лондоне субсидии для Бирштейна, чтобы таким образом оказаться поближе к их деньгам. Но здесь посредничество Брайденбаха и Ротшильда оказалось безуспешным. Сам факт, что Ротшильды в 1803 году, имея к тому времени приличное состояние, довольствовались доставкой дров в качестве вознаграждения, свидетельствует в первую очередь о стремлении показать всему миру, что они находятся на княжеской службе.

В декабре 1812 года Майер Амшель Ротшильд и его сыновья стали придворными банкирами Великого герцога Франкфуртского.

Из недавно обнаруженных документов государственного архива Вюрцбурга следует, что согласно распоряжению от 16 декабря 1813 года, придворным банкирам Великого герцога Франкфуртского в качестве годового вознаграждения князя Ашафенбурга было выдано: 72 центнера сена, 72 мальтера овса, 10 возов соломы, 30 сажень дров за службу 1 января 1813 года. Эта оплата натурой была пожалована Ротшильду и его сыновьям пожизненно за разнобразную службу на благо Великому герцогству. В 1813 году им выдали также и продукты из винного погребка Ашафенбурга. Позже, когда в ходе политических изменений княжество Ашафенбург было присоединено к короне Баварии, 29 ноября 1814 года Ротшильды попросили сохранить за ними эту оплату, указывая на то, что они самоотверженно служили Франкфурту, а следовательно, и Ашафенбургу, с готовностью предоставляя значительные ссуды. «В то время, когда казна оказывалась полностью опустошенной и государство испытывало большие затруднения, никто не решился предложить такую ссуду. Никаких денег до сих пор не поступило, поэтому подобную оплату натурой можно было бы рассматривать как причитающееся нам возмещение убытков, которые мы понесли, отдав займы солидный капитал».

Из прилагаемых далее документов следует, что в 1813 году дом Ротшильда предложил князю Дальбергу ссуду в 200 тыс. флоринов для покрытия расходов по денежному довольствию армии. Великий герцог принял эти деньги и в знак благодарности велел дать ему к дровам еще и корм для лошадей. Все старания Ротшильдов и далее получать оплату натурой, но теперь уже от Баварии как наследницы Ашафенбурга не увенчались успехом. В последующих документах слово «пожизненно» не встречается. Переговоры закончились актом от 1817 года. Считалось, что в это время Ротшильды уже владели миллионами, а их прошения свидетельствуют как раз о том большом значении, которое они придавали государственному жалованью.

* * *

Сотрудничество Дальберга и Ротшильда в первую очередь пошло на пользу франкфуртским единоверцам. Как и все придворные факторы, Майер Амшель своим влиянием старался облегчить судьбу израильтян. При этом Ротшильды действуют вместе с Якобом Барухом, сыном известного кельнского придворного еврея Симона Баруха и отцом Людвиг Берне. Майер Амшель снискал себе расположение Дальберга, предложив ему займы под 5 % 80 тыс. гульденов для поездки в Париж, где Великий герцог Франкфурта хотел присягать на верность новому королю Рима. Из чувства неприязни к Наполеону коммерческий мир Франкфурта

отказал ему в этой сумме. «Благодаря этой услуге он добился полного доверия Великого герцога и сумел так воспользоваться этой милостью, что с тех пор герцог ни в чем не отказывал Ротшильдам», – так было написано в одном из сообщений французов.

Ротшильды хорошо ладили и с господином фон Итцштайном, начальником полиции Великого герцогства. Итцштайн был покровителем Майера Амшеля и всех евреев Франкфурта. Хотя Дальберг и издал новый указ с некоторыми льготами для 500 семей Франкфурта, но это не удовлетворяющее евреев решение было отклонено влиятельным тайным советником Израелем Якобсоном, страстным борцом за эмансипацию евреев.

Майеру Амшелю и его единоверцу Гумпрехту удалось уговорить Дальберга освободить евреев от ежегодной уплаты налога в 22 тыс. флоринов и дать им гражданские права, чтобы уравнивать их с христианами. В качестве платы за это Дальберг потребовал единовременный взнос в двадцатикратном размере. Майер Амшель дал своим единоверцам 100 тыс. флоринов, почти четверть суммы. Кроме этого, он добился у Дальберга, чтобы из этих 440 тыс. флоринов наличными было выплачено 150 тыс., остальные – 24 облигациями *au porteur* (на предъявителя). Этой сделкой остался недоволен сенат, враждебно настроенный по отношению к евреям. Аристократическая верхушка города считала, что Дальберг лично получил «подарок». Один из агентов австрийской полиции якобы заявлял, что Великий герцог за эмансипацию лично получил 33 тыс. каролинок. Дальберг так обрадовался «искусно завершённому дельцу», что одарил министров, заключавших сделку, и их жен по 40 тыс. франков каждого. Тайный советник Итцштайн получил 10 тыс. франков, дом Ротшильда тоже 10 тыс. франков «за доброе содействие». 50 тыс. Дальберг оставил «в руках дома Ротшильда, в качестве уплаты в рассрочку того, что я ему должен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.